

Наталья Налянова

КУКУШКА

Ещё одна история из жизни
Жанны Фурасьевой

Наталья Нальянова
Кукушка. Ещё одна история
из жизни Жанны Фурасевой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18515146

ISBN 9785447449544

Аннотация

Жанна приезжает в дом, где жила и умерла её мать. Этот дом на крутом берегу Оки выглядит как родовая дворянская усадьба. Как этот дом связан с жизнью Жанны? Об этом рассказывают исторические документы, кладоискательство, любовь и прочие семейные ценности. Получит ли Жанна наследство своих предков? И что это за наследство? Жанна ведёт поиски.

Содержание

I	5
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кукушка

Ещё одна история из жизни

Жанны Фурасьевой

Наталья Нальянова

© Наталья Нальянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Вскоре после вступления в законную силу решения суда по делу Клеандрова я написала заявление об увольнении с должности консультанта по юридическим вопросам.

Директор департамента правовой работы И. И. Шалун не стал меня долго уговаривать продолжать работу. Как опытный руководитель он полагал, что свою задачу – избавиться от ежегодных исков Клеандрова – он решил, а незаменимых работников не бывает, о чём прямо и заявил мне после того, как понял, что мое решение бесповоротно.

Получив расчет и трудовую книжку, я вышла на улицу с чувством огромного облегчения.

Наслаждаясь свободой от неприятных дел, я погуляла по городу, полюбовавшись его весенним обликом, и подумала о том, что пора бы съездить на нашу прежнюю квартиру, которую я совсем не посещала в последние месяцы из-за того, что дело Клеандрова полностью поглотило меня.

Садясь в троллейбус, я, в очередной раз, посетовала на то, что не умею водить машину и из-за этого трачу много времени на поездки. А также и терплю неудобства общественного транспорта.

«Давно пора покончить с этим», – размышляла я.

Приехав на проспект Мира по нужному адресу, я осмотрелась, вспоминая свою жизнь в этом районе города. Мне

показалось, что я жила здесь очень давно, в другой жизни.

При этом меня охватило легкое чувство ностальгии по тем временам, когда мои дети были маленькими, и я водила их в детский сад, расположенный поблизости. А вот и хозяйственный магазин – мое любимое место посещения. Когда-то я очень любила красивую посуду, кухонные принадлежности, интересовалась новыми средствами для ванн.

Пройдя еще два дома, я увидела библиотеку, в которой когда-то брала новые журналы. Здесь возникли существенные изменения.

Теперь под библиотеку была отведена только часть прежних помещений. Ее потеснили нотариус и магазинчик подарков и аксессуаров. А маленькое объявление на входной двери извещало о том, что в этом же здании располагается школа вождения автомобилей.

«Что же это, как не приятное совпадение, указывающее на то, что мне пора записаться в эту школу?» – подумала я.

Изучив условия приема, я узнала, что продолжительность обучения может быть различной. Обычный срок обучения составлял три месяца, а сокращенный – один месяц. Во втором случае занятия длились практически ежедневно с утра и до вечера. И стоило это в два раза дороже. Завершалось обучение сдачей экзамена по теоретической и практической части. Меня устраивал второй вариант.

Оплатив обучение и записавшись в учебную группу, я пошла в свой прежний дом.

Не успела я открыть ключом дверь квартиры, как соседняя дверь распахнулась и выглянула моя соседка.

– Здравствуйте, тетя Галя, – поприветствовала я ее. – Как вы тут без нас поживаете? Не соскучились?

– Да уж, здравствуйте! – ответила она. – При вас-то поспокойнее было. Я все думаю, когда же это воры заметят, что в этой квартире никто не живет и полезут к вам?

– А чего это они полезут, когда квартира поставлена на охрану? – удивилась я.

– А то им ваша охрана помеха! – засмеялась она. – Они, чай, специалисты по взломам. И с любой сигнализацией управятся без помех. – А мы вот тут живем и боимся их. А ну, как они нас, как свидетелей, прибудут, или еще какие неприятности от них случатся?

– Да ладно вам, тетя Галя! Я думала, вы скажете, что вам нас не хватает, вы привыкли к нам и тому подобное.

– Да я же и говорю это самое, только другими словами! Короче говоря, возвращайтесь-ка вы в свое гнездо, Жанна! – от ее громкого голоса я почувствовала первые признаки глухоты и намерилась скрыться в своем жилище.

Но тетя Галя была бдительной женщиной и быстро пресекла мои слабые попытки к бегству, крепко ухватив меня за локоть.

– Стой-ка, тут тебе вчерась почтальон принес какое-то большое письмо и оставил у меня, чтобы я передала тебе, когда ты появишься. Ты ж Фурасьева?

– Я – Фурасьева, а Миша и дети – Пушниковы, – недоуме-
вая, пояснила я.

Письмо было послано на мое имя от неизвестного мне лица. Тетю Галю прямо раздирало любопытство узнать, что там, в этом письме. Но она взяла себя в руки и с видимым сожалением отпустила меня. Наблюдая за игрой чувств на ее лице, я отметила ее высокие моральные качества, запрещающие ей читать чужие письма.

Зайдя в квартиру, я осмотрела комнаты, окна, проверила двери на балкон и на лоджию. Все было в полном порядке, не считая запаха пыли. Открыв форточки, я достала пылесос и быстренько навела чистоту.

Письмо я распечатала после того, как сварила себе кофе и сервировала его на кухонном столе.

Вдыхая живительный аромат напитка, я прочитала фамилию отправителя письма. Им был некий Сухомлин Виктор Станиславович из Санкт-Петербурга.

Я разрезала большой конверт и вытащила ворох листков. Найдя среди них письмо, я углубилась в его чтение. Неизвестный мне Сухомлин писал:

«Здравствуйте Жанна!

К вам обращается ваш родственник. Кажется, это называется, неполнородный брат. Впрочем, не уверен. Меня такие вещи вообще не интересуют. О вашем существовании я узнал из документов, оставшихся от моего отца, Сухомлина Станислава Игнатьевича. Эти документы я нашел после его

преждевременной смерти.

Вынужден обратиться к вам с просьбой принять наследство, оставшееся после моей (и вашей) матери Сухомлиной Марии Павловны, которая умерла 25 декабря прошлого года. Жила она в деревне Княгинино Покровской области. С ней проживал ее сын, Сухомлин Владимир Станиславович, мой брат, который умер через три месяца после смерти мамы, не успев принять наследства.

Я не имею ни возможности, ни желания заниматься этим наследством. Меня мало, что связывало с названными родственниками по следующим причинам.

Я уехал из родного дома в семнадцать лет, поступил в военное училище, окончил его и женился. А после этого много лет скитался по городам и весям, пока не осел в прекрасном городе Санкт-Петербурге. Я полковник, преподаю в военной академии, и в круг моих интересов никак не входят захолустные деревни и прах ушедших жизней.

Вы спросите – почему? Отвечу так: моя мама всегда любила только Вовку. Но я так и не понимаю за что. Он ведь типичный неудачник! Все детство болел разными инфекционными болезнями. Переболел всеми болячками, которые описаны в медицинской энциклопедии. Учился плохо. С отцом воевал из-за того, что не хотел ни учиться, ни работать. А мать вечно грудью закрывала его от нападков отца.

Из-за этого мои родители постоянно ссорились и воевали. Я еле дождался окончания школы. Уезжал, дав себе клятву

никогда больше в эту семью не возвращаться.

А Вовка так и остался «мамушкиным запазушником». Отец его возил поступать в разные институты, но все бесполезно. Он или не проходил по конкурсу, или проходил, но учился в этом вузе до первой сессии, а потом возвращался домой. И, как дурак, увлекался вечно какой-то ерундой: то раскопками, то лошадьми, то путешествиями. В армию его не взяли из-за сколиоза.

Отец запил из-за вечных скандалов в семье и умер от инфаркта пятнадцать лет назад.

А мама после этого ещё работала долгие годы в библиотеке и, практически, содержала своего любимчика. Вовка же так и не женился, хотя смолоду без конца влюблялся в разных дурочек.

Теперь вы понимаете, почему я не принимаю наследства. В подтверждение своих слов прилагаю заверенное нотариусом заявление об отказе от наследства в вашу пользу. Можете быть спокойны, – своего решения я не изменю никогда.

Сообщаю адрес места жительства мамы и Владимира:

Покровская область, деревня Княгинино, ул. К. Маркса, 17.

Прилагаю также свою визитную карточку с адресом и телефонами. Если сочтете возможным, сообщите о своем решении.

С уважением, Виктор Сухомлин»

«Ну, молодец, умник какой! – возмутилась я. – Ему наследство, видите ли, не нужно, а мне оно для чего? Как будто принятие деревенского наследства – это благо. Да там проблем будет выше крыши! И потом суды. Не известно были ли у Владимира дети. Да и у самой нашей матушки за пятнадцать лет после смерти Сухомлина могли быть другие мужья-наследники!»

Я достала свой самый старый альбом с фотографиями и нашла единственную, имевшуюся в нашем семействе фотографию мамы.

В детстве я рассматривала это фото с обидой и возмущением. А теперь вдруг заметила, что смотрю на него по-другому. И как будто увидела впервые. Мама была, оказывается, весьма интеллигентной женщиной. И красивой – на старинный лад. Этакая тургеневская девушка с пышной косой, тонкой талией и одухотворенным лицом. Понятно, почему мой отец так и не смог забыть ее до конца своих дней, воспитывая меня в одиночку.

Я знала причину, по которой мама ушла от отца – новая любовь. Интересно бы посмотреть на ее избранника. Мне-то мой папа всегда казался самым лучшим и красивым мужчиной. Хотя теперь я уже понимаю, что любовь – чувство в высшей степени избирательное. И мотивы выборов не имеют рациональных объяснений.

Я вдруг осознала, что не смогу отказаться от предложения

Виктора Сухомлина. И даже словами уже не могу объяснить почему. Просто мной завладели чувства, одни лишь чувства.

Я достала носовой платок и, не думая о макияже, стала вытирать выступившие слезы, стараясь заглушить мысли о том, почему я плачу. Но чем сильнее я приказывала себе не плакать и не думать об этом, тем отчетливее эти мысли становились: я, оказывается, любила свою мать и мне больно, что ее нет. Я просто обманывала себя, что не интересуюсь ею. Но в глубине души я надеялась, что когда-нибудь встречу с ней. Расскажу ей все-все о том, как жила, справлялась с трудностями, как стала женщиной – женой и матерью, обниму ее и прижмусь к ней крепко-крепко. А она мне скажет, что думала обо мне все эти годы, но не могла встретиться со мной по какой-то важной причине. И вот, теперь оказалось, что мамы – этого незаметного душевного ориентира – больше нет. И никогда не будет.

Проплакавшись, я умылась и позвонила своему новоявленному родственнику. Стараясь не обещать того, что может оказаться невыполнимым, я просто сказала, что примерно через месяц поеду в Княгинино и просто посмотрю, что там следует сделать.

II

Приехав домой, я нашла Михаила на его рабочем месте – за компьютером.

– Ты обедал? – задала я ненужный вопрос. Михаил, конечно же, обедал. Причем обедал наилучшим образом. Их дружба с Ираидой все росла и крепла. Вероятно, в ней он находил такие черты женщины-хозяйки, которые напрочь отсутствовали во мне.

– Ты лучше спроси, что сегодня было на обед? – живо откликнулся он.

– Ну и что было? – послушно сказала я.

– Что с тобой? – повернулся он ко мне вместе с вертящимся рабочим креслом.

– Ничего, – отводя глаза, устало ответила я.

– Жанна, что случилось? И что у тебя с лицом? Где твоя косметика? Рассказывай все по порядку! Я от тебя не отстану, пока ты все не выложишь, как на духу.

Зная по опыту, что это не пустые обещания, я села в кресло-качалку и сообщила ему о том, что уезжаю в деревню Княгинино.

– С какой это стати? Что за прихоть такая необъяснимая? Что лучших мест нет на Земле?

Остановив поток его вопросов, я кратко рассказала о том, что уволилась с работы и получила письмо от своего брата.

– Тебе нечего там делать одной, в этой деревне. Я с тобой поехать не имею возможности, а одну тебя не пущу. Не пущу, так и знай! – кипятился Михаил. – Кроме того, ты мне обещала перед тем, как связалась с этим Клеандровым, что больше не будешь такими вещами заниматься.

– Какими это вещами? – невинно спросила я.

– Не будешь больше искать приключений на свою и на мою голову. А станешь жить как примерная жена и мать. – Михаил совсем рассердился и забегал по комнате.

– Миша, мне очень приятно, что я тебе небезразлична, а может быть даже и дорога, раз ты так эмоционально воспринимаешь мои поступки. Но у меня просто нет выбора. Я знаю, что я должна это сделать. Без этого я не смогу жить.

– Господи, боже мой! – застонал он. – Когда же это кончится?

– Только вместе с моей жизнью, – твердо сказала я.

– А тебе не приходит в голову, что нам, допустим, следует зарабатывать на жизнь, а не баловаться всякими причудами?

– Нет. Я знаю, что у меня есть ты – мой дорогой, любящий муж, который достаточно зарабатывает по нашим потребностям. И у меня пока еще есть свои деньги, на которые я хочу купить себе автомобиль.

– Вот именно, что пока еще есть. Скоро их не будет при таком отношении, – продолжал ныть он.

– Ну, когда денег не будет, тогда я и буду зарабатывать. Я ведь неплохо зарабатывала всегда. Думаю, что и потом смогу

решить эту проблему.

– Жанна, я ведь вовсе не по этой причине возражаю против твоей поездки в деревню. А потому, что всю жизнь только и делаю, что жду, когда ты вернешься домой, ко мне. Я ведь скучаю по тебе. Сижу за монитором, работаю с мыслями о том, что делаю это ради тебя и наших детей. Что ты скоро придешь, и я расскажу тебе о своих успехах и поражениях. А ты будешь слушать меня так, как только ты умеешь это делать. Я изо всех сил стараюсь, чтобы у нас не было материальных проблем, и было все, что нужно для счастья.

– Для моего счастья, Миша, нужны не только деньги. Вот сейчас для моего счастья нужно, чтобы я сделала то, что просит моя душа.

– И когда же ты собираешься ехать? – сдаваясь, грустно спросил он.

– Не ранее, чем через месяц.

– А почему именно через месяц?

– Потому что я буду учиться в школе вождения автомашин. Я поступила сегодня в такую школу. И намерена взяться за это как следует.

Михаил вытащил меня за руки из кресла-качалки, обнял и ласково прижал к себе, тяжело вздыхая. Он удивительным образом мог своими вздохами рассказать целую историю. Никто в мире не мог так выразительно и разнообразно вздыхать, как мой Миша.

– А на обед сегодня были суп из креветок и фарширован-

ные перцы, – вдруг заметил он.

– Это ли не счастье – иметь такую помощницу, как Ираида? – поддержала тему я. – Представь, что мы ели бы, не будь ее.

– Представляю. «Растворимые» пельмени и какой-нибудь салат. Я уже начинаю про себя молиться о ее здравии и вечном согласии работать у нас.

– Пойдем, попьем кофе? – предложила я. – Он согласно кивнул.

Для кофе у Ираиды всегда был запас десерта. Она пекла бисквиты, вафли и печенье впрок. А перед подачей их на стол украшала кремом, орехами, либо шоколадной глазурью с ромом. Особой любовью нашего семейства пользовался медовый торт с коньяком и взбитыми сливками. Его-то мы и попросили у нашей мастерицы.

После кофе мы вышли с Михаилом в сад полюбоваться свежей листвой и первоцветами на клумбах Андрея Ивановича.

– Неужели и эта пестрота тоже считается цветами? – удивлялась я.

Андрей Иванович, следуя за нами, но дипломатично держась в отдалении, услышал мою реплику.

– Это примулы. Самые первые цветы. Смотрите, как много разных цветов и оттенков они имеют, – пояснил он.

– Слово «примула», наверно, образовано от слова «примитивный», – разглядывая небольшой и ничем не пахнущий

альный цветок, – рассуждала я. – Но что за прелесть эти гиацинты!

– Если засадить клумбу одними гиацинтами, то никакой их прелести вы не увидите, – продолжал стоять на своем Андрей Иванович. – Вся красота в разнообразии.

«С этим не поспоришь», – подумала я, и пока Михаил собирал в букет гиацинты, пробралась в конец сада, где у нас росли ландыши. – «А вот это просто совершенство. Понятно, почему их запрещают собирать в лесах. Это ведь настоящая красота в чистом виде», – думала я, с наслаждением вдыхая их аромат.

Собрав небольшой букетик из крупных ландышей на длинных ножках, я украсила его листьями и вернулась к Михаилу. Он протянул мне букет гиацинтов и разочарованно сказал:

– Ну вот, ты своими ландышами весь кайф от гиацинтов поломала.

– Ничуть. Гиацинты я поставлю в нашем кабинете. А ландышами украшу спальню. Вместе их держать нельзя. Они убивают изысканность другу друга. А по отдельности способны приносить ощущение счастья. Разве не так?

– Так, так. Вот поэтому я и не хочу, чтобы ты уезжала из дому. Без тебя это все теряет смысл. – Говоря это, он нежно коснулся губами моей щеки. – Я ведь так счастлив с тобой, – прошептал он.

Несмотря на то, что все мы устали за день, вечером мы еще долго играли в карты и пили пиво «Карлсберг», ящик которого купил Андрей Иванович в честь некой памятной даты. Что это за дата он, правда, отказывался сообщить. При этом они с Ираидой только переглядывались и мило краснели.

«Ну, конечно же, они отмечают годовщину своего знакомства, а может быть – и чего-то большего», – догадалась я. Но сказала об этом Михаилу только перед сном.

– Да ты что?! – изумился он. – Неужто у них роман? Я и не заметил ничего такого! А вообще это здорово.

– Да и не роман это вовсе. Ну, не лепится это слово к ним! Они ведь не такие люди, чтобы романы заводить. Скорее всего, у них просто счастливая семья. Хотя это и не очень заметно со стороны.

– А я теперь буду за ними наблюдать! – заинтересовался Михаил. – Значит, моя верная карточная партнерша больше верна моему противнику? Зато и моя любимая женщина больше верна мне, чем моему противнику.

– Это Андрея Ивановича, что ли, ты называешь своим противником? Как же у вас мужчин все серьезно и как запущено! – я собралась притворно зевнуть, но не успела – Михаил, целуя меня, прекратил мою не вполне искреннюю риторику.

На следующий день я поехала на занятия в автошколу.

Этот и последующие дни я провела за изучением правил дорожного движения, устройства автомобиля, а через две недели уже отправилась на автодром приобретать первые несложные навыки вождения.

Помимо этого я за несколько вечеров по карте и атласу дорог области изучила местоположение деревни Княгинино, а также нашла в учебнике по краеведению интересный очерк В. С. Сухомлина об истории этих мест.

«Оказывается, у меня имеются пишущие родственники», – с удовольствием констатировала я.

Из очерка я узнала, что первые сведения об этом поселении, расположенном на высоком берегу Оки, относятся к шестнадцатому веку. В настоящее время деревня Княгинино является центром муниципального района нашей области.

Выяснилось также, что этот Сухомлин, В.С., по всей вероятности, прекрасно знает историю этой деревни. Такое впечатление, будто автор очерка всю жизнь изучал ее, поскольку мельчайшие подробности отдельных событий в их связи с другими фактами мог узнать только человек, глубоко и серьезно заинтересованный в своем деле. Или же придумать их как необузданный фантазер.

Часть времени у меня ушла на выбор и покупку машины. Вообще-то мне была нужна городская машина. Но ехать на ней придется в деревню, где неизвестно какие дороги.

Значит, придется брать полноприводный внедорожник. А я на такой машине не хочу ездить. Это ведь так же неженственно, как ездить на тракторе или на танке.

В конце концов, я нашла оптимальное решение. Куплю себе красный седан, а на время поездки обменяюсь машинами с Михаилом. Его ниссан вполне годился для дальних поездок в сельской местности.

Михаил не обрадовался моему решению. Он очень берег свою машину. Но меня он берег все же больше, поэтому смирился с предложением, не найдя способа, как ему противостоять.

– Не буду я на таком «полупердунчике» ездить! – вырвалось у него.

– А как я буду на нем ездить по бездорожью? – задала я не менее разумный вопрос.

– Ладно, забирай. Только береги мою машину и никакого сельского автосервиса! Если с машиной что-то случится – звони. Я приеду и сам займусь ею.

Экзамен в автошколе я сдала с первого раза. Инструктор даже сказал мне, что у меня редкая для женщины собранность и организованность.

В последующие дни я «в оперативном порядке» получила права, оформила покупку машины и генеральную доверенность на использование машины Михаила.

Два дня ушло на то, чтобы приобрести необходимую

практику езды по городу. Михаил сопровождал меня в этих поездках и рассказал мне кучу водительских баек о том, как надо вести себя в различных дорожных ситуациях.

Сборы в дорогу были недолгими. Правда, в них участвовали все домочадцы. Михаил привел в полный порядок свою любимую машину. Андрей Иванович как следует укомплектовал ее необходимыми принадлежностями, запчастями и средствами автокосметики.

Ираида напекла мне сухого печенья, купила две упаковки шведского сыру с большим сроком использования, а также банки с консервированным лососем, тунцом и сайрой. Она ещё положила мне домашнего джема, несколько упаковок с соками и минеральной водой, колотые орехи. Не забыла она положить и хорошего чая, кофе и шоколад. Это все были запасы впрок. А на ближайшие два дня ею были приготовлены пирожки, буженина, свежие овощи, йогурт.

Мне самой осталось только выбрать подходящую одежду, обувь, средства гигиены и косметику.

Наблюдая за разрастающимся багажом, я подумала, что все воспринимают мой отъезд, как длительный. А я ведь не говорила, что еду надолго. Может быть, я через три дня вернусь домой. Напишу заявление нотариусу о выдаче свидетельства о праве на наследство, соберу необходимые документы и – до свидания, деревня.

А может быть, я вообще откажусь от наследства, если оно малоценно, спорно и обременено долгами.

И, есть еще один важный момент, – пока что совсем неизвестно, оставили ли умершие Сухомлины завещания. В таком случае я вернусь еще быстрее, так как наследником по завещанию не являюсь.

Обдумывая забавность ситуации, я пошла еще раз проверить, все ли свои документы я приготовила. Расстегнув кожаный бумажник, я в последний раз удостоверилась, что паспорт, свидетельство о рождении, свидетельство о браке, а также, на всякий случай, еще и свидетельство о признании моего отца умершим, письмо Виктора Сухомлина и даже фото мамы находятся в портфеле. Деньги, банковские карты, записные книжки, визитница, а также цифровой фотоаппарат и мобильный телефон с зарядным устройством тоже ожидали отъезда в других отделениях портфеля.

– Тут ехать-то всего-ничего – каких-то сто с лишним километров, а вы меня собрали как в экспедицию на Гималаи, – увещевала я своих помощников.

– Жанна, будь осторожна, поступай обдуманно, звони, береги свое здоровье..., – рекомендации Михаила были нескончаемыми. Я поцеловала его, обняла Ираиду, крепко пожалала руку Андрею Ивановичу и села за руль.

– Если будут какие-то известия от сынов, – звони, – попросила я супруга, трогаясь с места и включая радио.

Выехав из города, я преодолела паромную переправу и взобралась на гребень горы, по которому и пролегал мой дальнейший путь. Успешно справляясь с бесчисленными

спусками и подъемами, я мысленно выразила благодарность машине Михаила.

«Всего и делов-то...», – думала я въезжая через пару часов неспешной езды в деревню Княгинино. Остановив машину у магазина, я расспросила местных жителей о том, где находится отделение милиции, а также как проехать по адресу: улица К. Маркса, 17.

– Это вы в дом Сухомлиных едете? – поинтересовалась некая словоохотливая бабуся.

– Да. Я дочь Марии Павловны, – пояснила я.

– Дочь?! – ахнула она. – Разве у Маруси была дочь?

– И была и есть, – улыбнулась я, разворачивая машину и направляясь к участковому инспектору полиции.

Им оказался маленький и худенький молодой человек с красными, опухшими веками. Капитан полиции Талалыкин Семен Иванович, судя по табличке на двери.

– Вы в какой дом Сухомлиных поедете? – вежливо поинтересовался он.

– А что, разве их несколько? – удивилась я.

– Два, в разных концах деревни. Один – тот, в котором они жили раньше, на улице Карла Маркса, а второй – на улице Окский съезд. В нем они поселились примерно пятнадцать лет назад после смерти мужа Марии Павловны и отца Владимира, соответственно. Это были развалины старого дома. Володька приобрел его вместе с участком, надстроил над старым фундаментом дом из кирпича и окультурил тер-

риторию. Теперь этот дом называется усадьбой и находится недалеко от библиотеки, где работала его мамаша.

– А почему его называют усадьбой? – поинтересовалась я.

– Этот дом и большой участок вокруг него обнесены очень старым каменным забором. Говорят, будто этому забору не один век. И будто бы там в незапамятные времена была барская усадьба. А чего вы от меня-то хотите? – вдруг устало спросил он. – Я очень занят и болен. Вынужден с температурой работать.

– Очень сожалею, что приходится беспокоить вас. Но не скажете ли вы мне, у кого я могу взять ключи?

– В старом доме на улице Карла Маркса проживают жильцы, арендаторы. А в новом, на Окском съезде, никого нет. Покажите-ка вы мне свои документы сперва, – велел он.

Изучив мой паспорт, письмо Виктора Сухомлина, его заявление об отказе от наследства, он сказал:

– Дом Сухомлиных находится по адресу: ул. Окский съезд, 1. Соседние дома отстоят от него на большом расстоянии. Но в конце сада Сухомлиных стоит дом Муравьевых. Я их попросил приглядывать за усадьбой, пока не появятся наследники. У тети Дуни Муравьевой есть ключ от входной двери дома. Скажете, что Сеня разрешил отдать его вам.

Усадьба Сухомлиных находилась на высоком берегу Оки. Согласно сведениям, почерпнутым мной из краеведческого очерка, осыпные берега вдоль крутого берега реки называ-

лись урочищем Ошара.

Зайдя во двор усадьбы, я огляделась. Это была высшая точка небольшого горного хребта, тянущегося вдоль берега Оки. Отсюда была видна вся река и бескрайние дали за ней.

«Красота какая! – прошептала я, не сдержав эмоций при виде величавой реки и необозримого простора, открывшегося моему взору.

Тетя Дуня Муравьева, сопровождавшая мое вхождение в наследственную усадьбу, словоохотливо поддержала меня:

– Именно из-за этой красоты Володька и перебрался сюда. Работал на постройке этого дома, как каторжный. Недавно, всего года три назад только и закончил полную отделку дома. Ну, располагайтесь, если что надо – зовите, прибегу. А сейчас мне коз доить пора. Так, что бывайте здоровы. – И она легко удалилась по тонкой тропинке между деревьями сада.

Я осмотрела забор, окружавший усадьбу. Это был и не забор вовсе, а каменная стена. Камень был очень старый, грубый. Но выложен так плотно и вкопан так основательно, что стоял как монолит. В отдельных местах он как будто поседел от времени. Ближайшие же к дому участки стены были черны, как будто смолой обмазаны. При внимательном рассмотрении черноты выяснилось, что это следы очень давнего пожара.

Дом был одноэтажный, с мансардой, длинный, как бы с двумя крыльями, или, как еще можно их назвать, флигелями. Сложен из серого кирпича и оштукатурен.

«Что-то очень знакомое он мне напоминает! – подумала я. – Да ведь барскую усадьбу 18 века! И это очень красиво и стильно выглядит. Интересно, пригоден ли этот дом для житья по современным меркам?».

Поднявшись на широкое крыльцо, я миновала массивные колонны и открыла тяжелые деревянные двери.

В холле я увидела стилизованную под старину люстру и поискала выключатель. Яркий свет залил помещение со стенами, покрытыми штофом, при полном отсутствии мебели. Пол был покрыт темным старинным паркетом.

Штоф был также похож на старинный и представлял собой не полосы, обычный орнамент или повторяющийся цветочный мотив, а сцены охоты на лис, поход дружины воинов, битвы на мечах, причаливание лодок к берегам реки, стан средневековых разбойников.

«Неужели это настоящий старинный штоф? Не музей ли это?» – поразилась я. Подойдя поближе, я разглядела, что это все же были рисованные обои. Причем рисунок располагался на изнаночной стороне обычных бумажных боев. Но рисунки были так хороши, а блеклые краски подобраны с таким вкусом, что отделка стен производила полное впечатление старины.

«Очень недурно», – отметила я вкус хозяев и продолжила осмотр дома.

Из холла две двери вели в правое и левое крылья дома.

Открыв правую дверь, я увидела небольшой коридор, ко-

торый вел к двум комнатам. Заглянув в одну из них, я увидела горы книг, каких-то бумаг, папок. Они не помещались в шкафах и заполняли практически всю комнату.

Нельзя сказать, что в этой комнате царил хаос. Все бумаги были аккуратно увязаны в пачки, а книги, стоящие на полу и на столе, были сложены в стопки. На столе лежала какая-то толстенная рукопись. Рядом с ней угнездился еще и старомодный монитор, а под столом по соседству с системным блоком компьютера и ветхозаветным принтером покоилась зачехленная пишущая машинка.

«Стало быть, это кабинет», – решила я.

Заглянув в соседнюю комнату, я обнаружила там спальню с простой деревянной кроватью, столом, заполненным стопками книг, и креслом-качалкой.

Мебели было немного, но комната не казалась пустой из-за многочисленных картинок в рамках, которые были развешены на стенах. Приглядевшись, я увидела, что большинство из них – старинные рисунки углем некоего Скоршени, о чем свидетельствовали авторские подписи на них.

На рисунках были изображены нищенка с ребенком, монастырь на горе, осенняя дубовая рощица, река с крутыми осыпными берегами, одинокая карета на пустынной размытой дороге. На стене возле кровати висели фотографии женщины со светлыми выющимися волосами. Я узнала на них маму.

Со стороны входной двери стены комнаты образовали овал и были украшены дверцами с резьбой. Приоткрыв одну из них, я обнаружила там вместительный шкаф для одежды. Одежда была мужская. На мой взгляд, совсем скромная, но, судя по запаху, чистая.

«Это апартаменты Владимира», – сообразила я и пошла в левое крыло дома.

В двух комнатах этого крыла располагались, очевидно, спальня хозяйки дома и пищеблок.

Спальня была большой комнатой с двумя стрельчатыми окнами, смотревшими на реку. В стенную нишу изголовьем уходила огромная кровать. Потрогав мягкий матрас, я сделал вывод, что кровать арабская, дорогая. Вдоль стен прилепились стеллажи с книгами, лишь самую малость места уступив встроенному шкафу для одежды.

Книг здесь было также очень много. Отдельный стеллаж занимали толстые журналы. Воздух сохранил легкий парфюмерный запах.

На стеллажах имелись и закрытые полки с дверцами. Такие полки располагались у самого пола. Открыв одну из дверей, я увидела большое количество альбомов с фотографиями. В другом закрытом отделении располагалась стопка толстых тетрадей. Некоторые были весьма потрепаны на вид. Вытащив одну из них и открыв, и увидела, что она исписана мелким и красивым, округлым почерком. На одной из страниц было написано следующее:

«22 сентября 1974 года

Моим мальчикам сегодня исполняется по четыре года.

Витенька всегда радуется отменным аппетитом и неизменно хорошим настроением.

А у Володи постоянные нелады со здоровьем. Вчера вернулись из сада, где я убирала последнюю антоновку, а он отказался от ужина, все время плакал. Измерила у него температуру – 39 градусов. Напоила его чаем с липовым цветом и мятой. Кое-как он заснул уже за полночь. Сегодня утром проснулся с опухшей шеей. Опухоль распространилась на лицо. Врач сказала, что это свинка. Отвезли его в инфекционную больницу. Поэтому свой день рождения он встретил там.

Станислав вне себя от гнева. Мне грустно оттого, что он не любит Володю. Более того, Володя у него вызывает открытые приступы агрессии. Если бы я позволила, он бы его физически наказывал ежедневно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.